

ПАВЕЛ КОМАРНИЦКИЙ

ПОСЛЕДНИЙ
НАКАЗ

Павел Комарницкий

Последний наказ

«Автор»

Комарницкий П. С.

Последний наказ / П. С. Комарницкий — «Автор»,

Зима 1237 года. Орды Батые вторглись на русскую землю. Горят города и веси, и нет такой силы, что могла бы остановить нашествие. Остаётся последняя призрачная надежда – убить Бату-хана.

© Комарницкий П. С.

© Автор

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

24

Павел Комарницкий

Последний наказ

Историческая драма

Солнце наконец село. Багровый закат еще грел небо обманчивым, призрачным теплом, но на снегу уже вовсю гуляли синие морозные тени, предвкусывая наступление ночи. Зимние сумерки коротки, и это давало надежду. Татары до сих пор не освоились толком в кондовых русских лесах, они будут ждать до утра. И только тогда...

Огонь плясал в зеве русской печи, разгоняя мрак. Изба топилась по-черному, и дым давно наполнил бы курную избу, если бы не прореха в крыше. Должно быть, монголы растаскали соломенную крышу на корм своим диким степным лошадям, когда выяснилось, что стога сена, заботливо заготовленные крестьянами на зиму, сожжены. Нет, что ни говори, а живущие кони у этих двуногих зверей. Спят на снегу, сроду не зная стойла, едят траву из-под снега, и даже продыmlенная соломенная крыша курной крестьянской избы годится им. И кровь из них пьют поганые, когда нечего жрать. Любой русский конь, каким бы ни был могучим, давно пал бы при таком обращении. А этим хоть бы что.

У огня сидели двое.

Один – немолодой уже человек, в густой, черной короткой бороде которого кое-где блестели первые седые волоски, видимые даже при неверном, пляшущем свете огня. На груди витязя – а судя по корзну на меховом плаще, это был витязь дружины княжесей – тускло поблескивала броня. Чешуи панциря кое-где были слегка промяты, и опытный глаз сразу угадал бы во вмятинах следы стрел.

Рядом с витязем сидела молодая женищина, закутанная в темный плащ с меховым подбоем. На измученном тонком лице вспыхивали отсветами пламени огромные темные глаза, цвет которых было невозможно увидеть в неверном пляшущем свете печного огня.

– Ну что, госпожа моя, на сей раз ушли. Глядишь, и завтра уйдем, а там и до Новгорода недалеко.

– Что нам с того, Ратибор Вышатич? – женищина протянула к пламени тонкие руки, забко повела плечами.

– Ну как же. Ведь это же вольная Русь, княгиня. Новгород куда поганые не заяли, и неведомо, займут ли.

Женищина молчала долго, глядя в огонь. Огонь... Везде огонь, по всей великой Руси пляшет неистовое пламя. Огню теперь раздолье.

– Почто так мыслишь, Вышатич? Уж сколько их было. Рязань пала, Тверь пала, Москва, Суздаль. Сам Владимир Великий восемнадцать ден простоял только. А мелких городов и не счесть. Про иные веси и не вспоминаю уже – княгиня говорила равнодушно, медленно.

Теперь замолчал тот, кого она называла Ратибором. Молчал он долго, и только скулы ходили ходуном, угадываясь сквозь бороду.

– Нет. Не возьмут они всей Руси Великой, не верю я. Где-то же должен быть положен им предел, нехристям поганым!

– Помнишь купца того, из магометанских земель? Он сказывал, будто у их шаха было пятьсот тысяч воинов, и всех их побили поганые татары. А до того они заяли страну китайскую, где воинов было и вовсе несчитанно. Почто же им не заять землю русскую?

Он искоса глянул на молодую княгиню. Женищина не повела взглядом в ответ. Сидела, глядя в огонь остановившимся взглядом. Ратибор содрогнулся. Не надо было быть семи пядей во лбу, чтобы понять – жизнь покидает эту женищину, хотя на ее молодом, здоровом теле нет покуда ни единой царапины.

– Не верю я!

– Займут они и великий Новогород, и златоглавый Киев, Вышатич. Пройдут, как саранча, и пойдут дальше. Тот купец сказывал – хотя бы они пройти всю землю из конца в конец, до последнего моря, и везде сделать пусто.

– Нет. Не может такого быть, чтобы Русь погибла – холодея от справедливости страшных, равнодушных слов, упрямо повторил Ратибор – Жива еще русская сила! Ежели ее всю взять...

Княгиня наконец оторвала взгляд от огня, прямо взглянув на витязя. В углу рта залегла жесткая усмешка, разом состарившая юное прекрасное лицо.

– Так почто не взяли до сей поры? Почто не помогли рязанцам, когда те просили? А до того еще булгарам? Нет, Ратибор Вышатич. Некому ныне собрать воедино силу русскую. Прошли те времена, когда по слову князя Святослава Игоревича собирались воедино дружины со всех городов, и шли бить поганых хазар. Вместе нынче поганые, а мы, русские, поврозь. И посейчас еще немало князей мыслит отсидеться в своих уделах, за крепкими стенами. И будут татары брать город за городом, покуда не вылуцат землю русскую, как голодная белка шишку.

Ратибор трудно сглотнул. Подбросил в огонь дров, и пламя, чуть опешив сперва от неожиданного угощения, с жадностью кинулось на свежее дерево, стремясь пожрать его. Как татары, подумал Ратибор. Такие же ненасытные, как огонь, такие же беспощадные.

– Ладно, госпожа моя – витязь тяжело поднялся – погляжу коней. Отдыхать нам некогда, покуда ночь, надо успеть уйти подальше. Завтра днем поганые нам проходу не дадут. Ты, княгиня, покушай пока.

Ратибор надел железную рукавицу, взял уголек из печи, прямо в ладонь. Отвалил почерневшую, забухшую дверь, сбитую из трех грубо отесанных плах. Петель у двери не было, вместо них были прибиты куски войлока, уже слегка разлохматившиеся на сгибе. Ратибор усмехнулся – хорошие петли. Не заскрипят.

Он вышел во двор, постоял, ощущая, как после курной избы морозный воздух вливается в легкие. Темнота уже поглотила двор, и только конек крыши еще смутно вырисовывался на бледном пепельном фоне угасающего заката. После глядения на огонь тьма казалась непроглядной. И ни единого звука не издавала мертвая деревня.

Ратибор снова задвигал желваками. Так и на землях русских. Сперва огонь, и потом наступит тьма. Долгая, долгая морозная ночь опускается на Русь. Права молодая княгиня, и нечего надеяться на несбыточное.

Ратибор рассердился на себя за такие мысли. Шумно вздохнул, потрянул головой. Помирать до смерти – последнее дело. У него есть задача – доставить княгиню в Новгород.

Вот только выполнить его оказалась куда как непросто. Везде хозяйничали татарские разъезды, перехватывая путников, всех без разбору – погорельцев из разоренных весей, чудом уцелевших беженцев из разоренных и сожженных городов, монахов из опустошенных обителей. Никого не щадили поганые, все, кто не мог держать меч, гибли под ударами татарских сабель. А если кто мог – тех татары расстреливали издали, засыпая стрелами из своих тугих коротких луков.

* * *

... Огни свечей озаряли горницу, ровно храм божий на Пасху. Ратибор мельком удивился – ижеславский князь Владислав был человеком бережливым, к ненужному расточительству не склонным. В дверях Ратибор столкнулся с человеком в коротком полушубке – тот пропустил витязя, чуть поклонившись, и вышел, даже не дождавшись ответного кивка. Гонец, понял он. Понятно.

– Звал, княже? – слегка поклонился он.

– Садись, Вышатич. Дело есть, и немалое.

Князь перехватил взгляд своего вятшего витязя ¹, усмехнулся.

– О свечах ли думать ныне, Ратибор Вышатич? Мыслью я, на наш остатний век хватит.

Ратибор сел, не задавая вопросов. Зачем вопросы не ко времени? Сам скажет.

– Князь Юрий зовет в Рязань. Со всей ратью.

И снова замолчал, угрюмо глядя на огонь свечей, отражавшихся в глазах. Из-за обилия свечей казалось, что глаза князя лишены зрачков, светятся, как у вурдалака.

– Худые вести, Вышатич. Посольство князя Федора перебито безбожным Батыгой. Не удалось умаслить зверей хищных, как мыслил князь Юрий. И сына потерял зазря. И невестку молодую Евпраксию тоже, и внука. Как услышала она, что с Федором сотворили, так и с колокольни вниз... С младенцем Иваном на руках, значит...

– Когда собираться, княже? – уточнил Ратибор.

– Кому как, Ратибор Вышатич. Мне к послезавтраму вечеру быть в Рязани. А тебе...

Князь наконец повернул к нему голову.

– А тебе хочу я поручить самое главное, что есть у меня. Ладу мою переправить надобно подале. Чую, здесь будет крови...

Он снова замолчал, угрюмо глядя на плямя свечей.

– А что князь Владимирский Георгий? – все-таки не утерпел Ратибор.

Князь скривился желчно.

– А не слышать Георгия Всеволодовича. Думают оне.

– О чем?

– А о том, похоже, как бы разом две рыбки словить. Нашими руками татар отбить, а не выйдет у нас – так еще лучше. Прибрать к рукам всю землю рязанскую – чем плоха мечта?

– Князь Георгий ранее вроде как слабоумием не страдал – изумился Ратибор – Неуж не понимает, что за нами его черед встанет?

– Вот именно. Шибко умным мнит себя князь Георгий, да и на силу свою надеется. Слеплен гордынею. Истинно горе от ума.

И снова тяжелое молчание разлилось по горнице.

– Скажу еще тебе, Вышатич. Воевода рязанский Евпатий Коловрат, ну, ты знаешь его (витязь кивнул) отправлен в Чернигов, молить о подмоге. Князь Юрий крепко надеется. Однако дело сие к тебе нынче не относится.

Князь встал, подошел к поставцу, взял в руки высокий узкогорлый кувшин венецианского стекла, поглядел сквозь него на пламя свечей.

– Послезавтра новое посольство из Рязани во Владимир выходит – Владислав снова криво усмехнулся – уж не просить подмоги – умолять, в ногах валяться. Князь Юрий, похоже, согласен встать под руку Георгия. Пес с ним! Уж лучше так, нежели...

Он повернулся всем телом, одновременно поставив кувшин на место.

– Вот с ними и повезешь Ладу мою во Владимир. А там видно будет. Никому из наших боле не могу доверить дело сие, Ратибор Вышатич. Ты в прознатчиках тайных ² сколь ходил?

– Семь лет, княже.

– Ну вот. Лучше тебя те места токмо медведи местные знают, и то не все. Не всюду на торные дороги надейся, бывает, тропы тайные сподручнее.

Ратибор встряхнул космами.

– Сделаю, княже. Только быстро собираться надо. Лучше всего – сейчас.

– Дам я тебе полста человек дружины – князь усмехнулся – все одно в Рязани сбор, чуть раньше придут... Ты о своих-то домочадцах подумал, како они без тебя?

---

¹ Вятший витязь – телохранитель князя.

² В разведке.

Ратибор молчал. А что тут можно придумать, когда дома мать старая, да дочка малая, да сын едва ходить выучился. А хозяйки и вовсе нету, померла при родах.

– Ладно – крикнул князь неловко – покуда жив буду, не дам твоих в обиду. В терем сюда заберу, вот что. Завтра с утра и заберу, и в Рязань со мной поедут.

Ратибор еще помолчал. Не учен он красно говорить, о чем жалел иногда. Все мечом махать больше.

– Спрашивай уже, не тяни – подбодрил князь.

– Что с Ижеславлем будет, понятно... Ежу понятно, не устоять тут, спалят град дотла... Что с народом будет, княже?

Князь засопел угрюмо. Понятно, крайне неприятен вопрос. Каждый князь в ответе за своих людей, и не только за дружину – за всех горожан, вплоть до младенцев и юродивых.

– Народ, Ратибор Вышатич, он тебе не корова – веревку на рога да и повел, куда хочешь. Бабы, ребяташки, скотина... Добро все нажитое бросить... И даже налегке если – уже не успеть, похоже.

Князь остро взглянул в глаза витязя, и по спине Ратибора пробежала холодная ящерка. Вот как, значит...

– Вот так, значит – будто прочел его мысли князь – Вот оттого князь Юрий и собирает ратных людей со всех городов да весей. Батыга взял Нузлу, и разъезды его уж с нашими сшибались под Пронском. Князь Юрий хочет в поле выйти, встретить Батыгу и отбить.

Вот теперь холодная ящерка забегала вдоль хребта туда-сюда.

– Этого нельзя делать, княже!

– Вот как? – князь усмехнулся – Али ты уж набольший воевода рязанский, что князю Юрию указывать будешь?

– Этого нельзя делать! – Ратибор упрямо тряхнул патлами – В поле татары перемогут нас числом, и всех побьют, всех до единого! Вспомни-ко Калку! И кто тогда встанет на стены рязанские? Надобно всех ратных, сколько есть, стянуть в Рязань да поставить на стены... Выслушай, княже... Ведь на стене один воин за четверых идет... Всех ратных надобно на стены поставить, да разделить наполовину – покуда одни бьются, другие отдыхают. Иначе изнемогут ратники, и стены не спасут тогда!

– Верно мыслишь – криво усмехнулся князь – Быть тебе великим воеводой. То все про Рязань. Ладно, Рязань отобьется. А другие? А Пронск, а Белгород, Ожск со Свирельском, а Переяславль-Рязанский? А наш Ижеславль как? А веси бессчетные? Что будет с землей рязанской, ты подумал? Много ли народу успеет укрыться за стенами рязанскими, и сколько не успеет?

Ратибор угрюмо замолк.

– Вот ты спрашивал – что будет с народом? Князь Юрий в ответе за всю землю рязанскую. Не хочет он допустить всеобщего разорения. И не тебе решать, как и где биться. И не мне даже. Как решит, так и будет. В поле так в поле.

Ратибор молчал, глядя на колеблющееся пламя множества свечей. Свечки, поставленные слишком густо, плавили друг друга, и перед глазами витязя вдруг встало жуткое видение горящего города.

– В общем, так – подвел итог беседе князь – Мой последний наказ ты слышал. И слово мое, что покуда жив, твои домочадцы нужды знать не будут. Ну а ежели не устоим, ежели убьют меня... Не серчай тогда.

– Мертвые сраму не имут, княже.

Князь пронзительно смотрел своему витязю в глаза.

– Не про тебя это, Вышатич. Заклинаю тебя и молю – сбереги мою Ладушку. Живой ли, мертвый – сбереги. Ничего боле не прикажу тебе!

Ратибор снова тряхнул длинными волосами. Встал.

– Дозволь собираться, княже, время не терпит.

Князь тоже встал. Подкинул на ладони тяжелый, длинный, как чулок, до отказа набитый кожаный кошель, кинул Ратибору – тот поймал на лету.

– Сто гривен тут. Это тебе на дорогу. Иди. Бери коней любых, ключников буди сейчас. Чуть кто чего не отыщет – бей в зубы, по княжьему слову. Я потом добавлю.

* * *

Копыта коней месили снег, и с мутного неба сыпались густые мелкие хлопья, неприятно лепившиеся на лицо. Видно было от силы на пятнадцать шагов. Все исчезало в белесой мути, и оттого казалось, что маленький отряд движется в каком-то нереальном, потустороннем мире, где нет ничего, кроме вот этой белесой бесконечности и бесконечного же снега... И только время от времени из этой белесой круговерти то справа, то слева выплывала угрожающе-темная масса ельника или призрачно-серая опушка березняка, вплотную подступавшего к дороге, и снова исчезала в снежной круговерти.

Ратибор покосился на княгиню. Молодая женщина вела себя вполне достойно – не всхлипывала, не куклилась. Сидела прямо, мерно покачиваясь в такт конской рыси, и смотрела вперед огромными сухими глазами, и только на дне этих глаз стыла осенней темной водой тревога.

– Не озябла?

Женщина бледно улыбнулась.

– Хороша больно погода. Радует сердце, к прочему всему.

Витязь скупно улыбнулся в ответ.

– Отличная, госпожа моя. Мы никого не видим, нас никто не видит. В такую погоду никто никому жить не мешает, княгиня.

Сказал, и сам удивился. Может, однако!

– Ты уж философии греческой не учен ли, Ратибор Вышатич? – заметно развеселилась княгиня, и стылая тревога-кручина на время ушла из ее глаз.

– Это как из лука на скаку бить, что ли? – недоуменно спросил Ратибор.

– Ну не совсем так – окончательно развеселилась княгиня – Но близко.

Ратибор про себя усмехнулся. Вообще-то он знал, что такое философия. Батюшка Варсонофий, накушавшись меду либо браги, любил поучать паству цитатами из Библии и других греческих книг, и при этом вздевал палец к небу: «сие есмь философия, наука о премудростях всяческих». Но сейчас важно отвлечь молодую женщину от тяжелых дум.

И вообще, сейчас умение бить на скаку из тяжелого, в рост человека, русского лука куда важнее всех и всяческих премудростей.

* * *

– Рано вы, господа ижеславцы. Мы вас к завтраму ждали, не раньше. А где сам князь?

– Князь Владислав с остатней ратью и будет завтра, господине.

– Велика ли рать?

– Двести двадцать человек, к этим полуста. Все, способные держать оружие.

– И то хлеб.

Князь Олег Красный, брат князя Олега, принимавший отряд на постой, был хмур и взвинчен. По всему терему слышался гомон, туда-сюда сновали какие-то бабы и девки, таща в охапках теплую лопотину и прочее, размашисто проходили околючуженные ратники. Пламя свечей и масляных ламп металось от движения воздуха, освещая все происходящее неверным трепещущим светом. Ржали во дворе кони, кто-то зычно бранился.

– Содом, не иначе – перехватил взгляд витязя князь Олег – У нас на Руси без этого никак. Ладно, сейчас разместят вас где-нито. И каша с мясом найдется, я распоряжусь. Отдыхайте. Посольство утром выедет, до свету, тебя разбудят. Княгиню Ладу в светелку к моей... хотя спят уж...

– Нет, княже.

Олег Красный поднял бровь.

– Не понял...

– Не гневайся, княже. Положи ее где-нибудь отдельно. А я у порога лягу.

– Снаружи, как пес? – насмешливо спросил Олег.

– В точности как пес, княже. Только изнутри.

Олег рассмеялся.

– А горшок тебе отдельно, или вам одного с княгиней хватит? Лепо ли видеть тебе гос-пожу твою, как раздевается она на ночь?

– Что делать – без улыбки ответил Ратибор – Придется привыкать нам.

– Ладно – хмыкнул князь Олег – будь по-твоему. Так стало быть, не верит князь Иже-славский в крепость Рязани. Подале княгиню свою отправил...

– Верит ли, не верит – о том мне неизвестно, княже. Но биться будет вместе со всеми, в поле или на стенах.

– Хорошо – махнул рукой Олег Красный – Ступай.

* * *

– ... Это что же выходит? Это ты мне вместо няньки-кормилицы теперь? – молодая женщина была серьезно рассержена – Выдумал тоже – спать у порога...

– И за няньку, и за мамку, и за девок сенных я теперь у тебя – витязь не принял шутки.

– Так ведь тут княжий терем, Ратибор Вышатич, не поле бранное. Там ли ты угрозу ищешь, да сторожку свою...

– Береженого Бог бережет – без улыбки ответил Ратибор.

Княгиня смотрела на него, чуть склонив голову набок.

– Всегда ли бережет?

Витязь чуть подумал.

– Не всегда. Но чаще, чем небереженого.

Княгиня фыркнула, по-девчоночьи блестя глазами.

– Ой, зрю я, и философ ты...

– И это тоже, госпожа моя. Философ. Вот не сойти с места – на пятьсот шагов стрелой достаю...

Ну наконец-то она рассмеялась по-настоящему – весело, звонко, и даже голову чуть закинула. Как смеялась еще совсем недавно, дней десять назад.

Как в страшно далекие отсюда мирные времена.

* * *

– ...Вставай, госпожа моя.

Молодая женщина испуганно открыла глаза, разом вырываясь из зыбкого сна.

– А? Уже?

– Посольство рязанское собралось почти. Завтракать пожалуй.

Она поднялась, не скидывая с себя меховое одеяло.

– Отвернись, одеваться буду. Вещи наши где?

– Вещи я увязал, и к седлам приторочил. Поспешать надо нам.

Слюдяное окошко в частом свинцовом переплете истекало прозрачными слезами, внося в жарко натопленную горницу холодную струю. На дворе еще стояла беспросветная темень. Где-то перекликались часовые. Совсем рядом, под окнами, шел разговор: «Муромские уж прибыли, так спят в седлах, умаялись» «А когда выступать?» «А я знаю? Переяславских ждем еще, да ижеславские вот должны...». Голоса удалялись, разговор стал неразборчив.

– Готова я, Вышатич – молодая женщина уже стояла одетая, и подпоясана даже. Когда успела?

* * *

– Э-эй, не отставай!

Копыта глухо цокали по укрытому свежим снежком льду Оки, извечной русской дороги – летом на лодьях, зимой на санях. Всадники перекликались, продвигаясь резвой рысью. Сытые кони легко одолевали неглубокий покуда снег.

Маленький обоз – семь саней о-триконь, да два десятка всадников – шел по самой середине реки. Башни и колокольни Рязани давно скрылись из виду, а впереди уже смутно чернели островерхие крыши угловых башен Переяславля-Рязанского.

Боярин Вячко сидел на коне, подобно копне, в своей шубе, поверх которой напущена роскошнейшая борода – перину набить можно. Он придержал коня, поравнялся с витязем и молодой княгиней, ехавшей на сей раз в возке, запряженном тройкой. Выделил князь Юрий.

– Сегодня заночуем в Переяславле, а завтра уж в Коломне будем. На князя Георгия земле. Ратибор помолчал.

– Я тебе не указ, боярин. Но ежели бы ты меня спросил – ночевать надо в Коломне, а назавтра быть уже в Москве.

– Так не успеем же дотемна...

– Ну так что же. Придется идти в темноте. Река вот она, не заплутаем. Сейчас каждый день дорог, боярин.

Боярин крикнул.

– Эй, Олеша! Не сворачивай на Переяславль, слышь! Идем до Коломны!

* * *

– Кого несет? – страж на воротной башне Коломны был спросонья, и оттого зол. Оно и понятно, ежели разоспавшегося в тепле необъятной дохи человека уже за полночь выдернуть на мороз...

– Послы князя Рязанского к великому князю Георгию Всеволодовичу Владимирскому!

Послышался шум, замелькали отсветы огня. На башне появились люди с факелами, в свете которых стало видно малую дружину рязанского посла. Ворота заскрипели, медленно отворились обе створки, сбитые из могучих дубовых брусьев внахлест.

– Добро пожаловать, боярин!

Ратибор проехал в тесноватые коломенские ворота, плотно прижимая коня к саням, в которых ехала княгиня. Он так и держался подле на своем Серке, как приклеенный, и оседланную кобылу Игренью, на которой княгиня прибыла в Рязань, держал в поводу. Так надежнее.

Створки тяжело бухнули сзади, заскрежетал в проушинах затворный брус. Город уже спал, ни единого огонька не виднелось в черном скопище домов и построек. Только факелы воротной стражи трещали на ветру, выхватывая из темноты неровный огненный круг.

– Ну что там у вас? Слышно, хан Батыга крепко насекает?

– О том едем говорить с князем Георгием – решительно пресек расспросы боярин Вячко

– А ну, голова, укажи нам постой!

...Послов князя Юрия Рязанского определили на постой в обширной горнице княжьего гостиного дома, стоявшего сейчас пустым. Князь Георгий Всеволодович слыл крепким хозяином, и в каждом городе, подпадавшем под его руку, имел такие вот постоянные дворы, в которых при нужде могло разместиться сотни две конных дружинников – очень удобно, когда объезжаешь владения.

Княгине Ижеславской отвели отдельную комнату, в которую углом вдавалась громадная небеленая печь, сложенная из дикого камня, с трубой – княжьи покои топились по-белому. Камни печи потрескивали, прогреваясь, видимо, дров не жалели. Зев печи выходил в другую комнату, побольше. Жаль. Ратибор любил глядеть на пляшущее в печи пламя...

Возле печи уже суетились две сенные девки, устраивая постель для княгини – две широкие сдвинутые вместе лавки, застеленные кошмой в три слоя, и уже поверх кошмы льняная простыня. Да еще и пышная подушка с собольим одеялом. Богатая постель.

Девы перешептывались, поблескивая искоса глазами на рослого витязя. Должно быть, обсуждали, как это госпожа не боится ночевать одна в комнате с мужчиной. Наплетут теперь с три короба... А, пусть их. Не о том теперь думать надобно.

– Не надо ли чего, госпожа?

– Идите, идите, милые.

– Спокойной ночи, госпожа – девки упорхнули вон, давась смехом. Ну, дуры...

– Я тут постою, за дверью, госпожа моя. Покличешь... – Ратибор взялся за железное кольцо, вделанное в дверь.

– Слышь, Вышатич... Ты бы лавку себе добыл – княгиня распустила волосы, расчесывала их гребнем – Ну чего ты, в самом деле, на пороге спишь...

– Так безопасней – улыбнулся витязь – с лавки же упасть можно...

Княгиня фыркнула, блестя глазами, и не сдержалась – рассмеялась.

* * *

Х-ха!

Низкорослый кочевник на маленьком мохнатом коньке распался надвое вместе с конем – Ратибор срубил его наотмашь, с оттягом, от плеча наискось. И не успел витязь опустить меч, как обе половинки степняка с противным чавканьем зашевелились, вспучились, и вот уже вместо одного против Ратибора стоят двое.

– У-у-у-у! – с волчьим воем враги атакуют, норовя зайти с двух сторон.

Эх, неверно ударил... Ладно...

Х-ха! Х-ха!

Головы степных разбойников отлетают прочь. Миг, другой – и вместо отрубленных голов на плечах вспухают новые. Но самое страшное – у отрубленных голов внизу начинает шевелиться, расти нечто бледное, постепенно превращаясь в недостающее до полного комплекта – коней с сидящими на них туловищами. Еще чуть, и против Ратибора стоят четверо.

– Урагх! – вся четверка атакует одинокого витязя, норовя окружить. Теперь Ратибору по-настоящему трудно, но он все-таки ухитряется отрубить пару рук с кривыми саблями. Тщетно – на месте отрубленных у степняков тут же отрастают новые, и притом уже с саблями, а из отрубленных рук медленно вспучиваются новые бойцы...

И тут Ратибора пронзает запоздалое прозрение – лук! Их надо бить из лука, и только из лука! Их всех надо бить только из луков, не подпуская близко...

Страшный удар кривой сабли обрушивается на голову. Пропустил-таки...

– ...А-ах... Любый мой, Владушко... Не отправляй меня от себя... Не надо... Как я жить без тебя...

Ратибор мгновенно проснулся, рука по привычке сцапала черен меча. Сердце колотилось сильными, неровными толчками и непривычно ныло тупой болью. Фу ты...

– А-а... Не оставляй... Не уходи...

Во тьме смутно белело пятно. Княгиня Лада скинула с себя соболье одеяло – жарко возле самой печи – беспомощно раскидалась на постели.

– А-а... Не умирай...

Знакомо пробежала по спине холодная ящерка. Не выдержав, Ратибор встал, нашарил огниво, зачиркал кремнем по мелко насеченному каленому железу. Затлел трут, вспыхнуло пламя – витязь зажег свечу.

Княгиня Лада уже не спала. Лежала на спине, неподвижно глядела перед собой огромными темными глазами, в которых медленно оседал ужас ночного кошмара.

– Ты кричала, госпожа моя – Ратибор поправил скинутое на пол одеяло.

– Сон я видела, Вышатич.

Витязь чуть улыбнулся. Как ноет сердце, однако...

– Спи спокойно. Сон есть сон.

– Убьют его сегодня, Вышатич. И всех убьют.

– Типун тебе на язык! – не сдержался Ратибор, забыв о вежливости. А холодная ящерка так и бежит взад-вперед по самому хребту... И все не проходит сердце...

Княгиня Лада смотрела сквозь него.

– Типун мне на язык – согласилась она, медленно, вставляя произнося слова.

* * *

– Н-но, снулые! – рязанский ратник, правящий лошадьми, щелкнул кнутом, и лошадки послушно прибавили ходу. Ратибор даже не пошевелился, однако умный Серко тоже прибавил – он уже сообразил, что надо держаться ближе к саням, на которых ехала молодая княгиня. Сегодня она была очень бледна, сидела неподвижно, глядя сквозь мир невидящими глазами.

– А я ему гутарю – дурень, да у ейного папашки денег куры не клюют, не по себе древо рубить взялся... – балаболил парень, стараясь по-своему развеселить молодую женщину. Княгиня не пресекала, и Ратибор тоже. Тоже почуял неладное парень, стало быть, а что до разговору – как может, старается...

– Умолкни, Онфим – тихо, медленно вдруг сказала Лада. Парень поперхнулся на полуслове, замолчал – Ратибор...

– Здесь я, госпожа – отозвался витязь. Сердце как начало ныть, так и не отпускало с утра. Худо... Какой боец с таким сердцем...

– Убивают его, Вышатич. Вот сейчас убивают его.

Ратибор молчал. Как ноет сердце...

Острая иголочка вонзилась в сердце, лопнула с неслышным уху стеклянным звоном, и боль разом ушла. Остались только пустота и холод. Страшный холод и бескрайняя пустота.

– Все. Убили – княгиня произнесла это деревянным безликим голосом, растягивая слова.

Ратибор хотел прикрикнуть на нее, как утром: «Типун тебе на язык!» И не смог. Вот не смог, и все тут.

Княгиня сидела все так же, и только в глазах ее вместо привычной уже стылой осенней тревоги была морозная пустота.

* * *

Город Москва был невелик, но сейчас казалось, будто народу в нем несметное множество. Город напоминал разворошенный муравейник. Повсюду толклись люди – и русские купцы в

долгополых меховых шубах, и иноземцы в нерусских нарядах – а вот у этого на голове целый постав шелка намотан, гляди-ка! – и прочая всякая челядь, и простые люди без счета. Бегали стайками бойкие московские малыцы, ржали кони, ревели диковинные звери верблюды.

Ратибор привычно-цепко отмечал все это, думая о своем. Время от времени он бросал взгляд на княгиню. Молодая женщина с того момента не произнесла ни звука, сидела неподвижно, будто спала. И сейчас она не замечала окружающего мира – ни мельтешения толпы, ни иноземных купцов в причудливых нарядах, ни даже верблюдов, на которых глазели все поголовно. Плохо, ох, плохо...

На княжьем гостинином дворе на сей раз было тесно, тут остановилась конная дружина из Дмитрова, правда, без князя – тот ускакал с охраной в Переяславль-Залесский, к своему сюзерену. Отряд шел во Владимир, и похоже, туда же исподволь подтягивались иные рати.

– Зашевелился князь Георгий – боярин Вячко желчно усмехнулся – Хоть что-то... Ладно. Сегодня ночуем в Москве, а завтра где придется. За два дня надо до Владимира дойти.

Рязанское посольство разместили в двух смежных комнатках. В одной поселилась молодая княгиня со своим охранителем, во второй все остальные – и боярин Вячко, и витязи охраны. Повозников-кучеров оставили ночевать в санях, в хлеву, и еду им туда вынесли.

Комната, куда поселили ижеславскую княгиню, была совсем невелика, зато имела свою печь с трубой и лежанкой. Молодая женщина позволила девкам раздеть себя и уложить на лежанку, все так же молча, будто во сне.

Ратибор подвинул тяжелую лавку к печи, сел на нее, подбрасывая в огонь щепки и мелкие поленья. Как бы там ни было, спать ему сегодня нельзя. И уж тем более нельзя допустить, чтобы погас огонь в печи. Нельзя, чтобы княгиня Лада осталась в темноте.

Молодая женщина лежала, глядя в потолок остановившимся взглядом. Ратибор содрогнулся. Он успел кое-чего повидать в жизни, и знал – люди с **таким** взглядом недолго задерживаются на этом свете. Нет, так нельзя! Он обещал князю, и он должен...

Нужно сказать ей. Не просто сказать – надо сказать именно то, что ей сейчас необходимо. Эх, не учен он красно говорить... Все мечом махать только...

– Послушай меня, госпожа моя – слова выходили трудно – Послушай. Не хорони допрежь смерти. Не надо, слышь? Надежда умирает последней.

Темные глаза, в которых донным льдом стыла смерть, шевельнулись, ожили. Княгиня бледно улыбнулась, одним уголком рта.

– Врут то, Вышатич. Мало ли как врут.

– Да откуда знаешь?..

– Знаю, раз говорю.

– Ну тогда послушай байку мою – Ратибор постарался рассердиться – Вот четырнадцать лет тому была у нас с этими вот татарами сеча на Калке-реке. Тогда я совсем молодой был, еще кметем ³ в дружине числился. Ну, побили нас тогда крепко – и нас, и половцев, мало кто ушел. Так вот. Был тогда в пронской дружине витязь один, Олекса. И жонка у него была, и крепко любили они друг друга. Ну и убили в той сече Олексу. После боя, уж на третий день, почали чернецы хоронить убитых, в общие ямы сваливать. А жена Олексы прознала про сечу, и добралась до Калки – одна добралась, о-двуконь! Пришла на поле бранное, а там уж почти всех прибрали. Она и давай искать своего Олексу. Чернецы ей говорят – полно, все, кто жив еще, давно не здесь, а тут только мертвые остались. А она молчит знай, да ищет. И что думаешь – нашла! В общей яме, на мертвяках, ладно, сверху лежал. Без памяти был, и не дышал почитай, вот его и... Так с того дня он еще двенадцать годов вместе прожили, я не так давно узнал, что помер он... А ты говоришь – знаю...

Княгиня слушала его, и глаза начали оживать.

---

³ Курсантом.

– Слышала и я про того Олексу да Марью его. Владушко мой мне баял как-то – она вновь слабо улыбулась, на этот раз обеими уголками губ – Ладно, Вышатич. Прав ты, а я дура.

– Один мой знакомый как-то сказал: «баба дура, не потому, что дура, а потому, что баба» – попытался пошутить Ратибор. Вообще-то шуточка так себе, ну да какая нашлась...

– И знакомый-то у тебя тож философ...

– А то! Ну, может, и пожиже против меня... Но с трехсот шагов промаха не даст, точно.

* * *

– Слышь, Ермил, а какое число нынче-то?

– Да, кажись, шестнадцатое. Точно, шестнадцатое.

Всадники негромко перекликались, кони продвигались вперед рысью, скрипели полозья саней. Первей привычно держался возле саней, в которых ехала ижеславская княгиня, зорко озирал берега. Клязьма тут была речонкой довольно узкой, совсем не то, что могучая Ока. Густой ельник нависал над обеими берегами, мохнатые лапы вылезали, качались под порывами ветра над самой рекой. Самое место для разбоя.

– А ну, подтянись! Середины держаться! – зычный бас боярина раскатился над заснеженной гладью реки, сонным лесом. Почуял и боярин, значит, опаску имеет.

Обоз подтянулся, сани шли теперь впрытык, след в след. Разговоры стихли вовсе, бывалые витязи расчехлили луки, закинули на спину колчаны-тулы, кто-то помоложе нервно грел в ладони рукоять меча. Возчики, из простых ратников, тоже приготовили оружие.

Вообще-то даже для большой шайки разбойников два десятка бывалых витязей – добыча крайне опасная. Но, с другой стороны, купцы сейчас тоже ходят большими обозами, саней до полуста и более. Все с оружием, и охрану неслабую нанимают. Да и смерть от голода в зимнем лесу куда хуже, чем от меча. И вообще, в этом деле все решает внезапность.

Ратибор еще додумывал свои мысли, а левая рука уже привычно выдернула лук из налучи, в то время как правая тянула из тула стрелу. Он спрыгнул с коня прямо в сани, придавив княгиню всем телом, и вовремя – рой стрел, выпущенных с каких-то сорока шагов, обрушился на отряд, по броне лязгнуло железо. Вскрикнул, зарычал Онфим – должно быть, стрела пробила кольчугу. Лошади взвились было, однако Онфим опытной рукой удержал их, несмотря на рану.

Время словно растянулось. Медленно, как во сне, вываливались на речной лед из густого ельника разбойники – сразу с двух сторон, с рогатинами и топорами. Стрелки, тоже выступившие из чащи, уже вновь натягивали тетивы, готовясь повторить залп. Шайка была немаленькой, гораздо более полусотни разбойников, если не вся сотня.

А руки витязя уже делали свое дело, не дожидаясь команды головы. Он привстал и с колена пустил первую стрелу во вражеских лучников. А вдогонку вторую и третью.

Да, на этот раз разбойничкам, похоже, придется трудно. Стрелков в шайке было не меньше тридцати, но большинство так и не успело повторить свой выстрел. Ответный залп буквально смел их с лесной опушки, а еще спустя пару мгновений стрелять стало и вовсе некому.

– В мечи! – зычный бас боярина Вячко разнесся, наверное, до самого Владимира. Ну по крайней мере до Москвы, от которой отряд не успел уйти слишком далеко.

Команда была услышана и исполнена мгновенно – все верхоконные разом разделились на две равные группы и встретили набегавших разбойников клинками. Сам боярин тоже ринулся в бой, не щадя живота. И только возчики, княгиня и сам Ратибор остались в саях.

Ратибор посылал стрелу за стрелой, спокойно и четко, как на ученьи. Лук ему сработал знаменитый мастер Лесина, живший под городом, в сосновом бору (мастер был угрюм и городской суеты и скученности не любил). Другие ратники-повозники тоже стреляли.

Кое-кто из разбойников имел кольчуги, но с такого расстояния от лука мастера Лесины защитить мог разве что немецкий рыцарский панцирь, и то далеко не всякий. Большинство же было просто зверовидными одичавшими мужиками, одетыми в грязные тулупы. Разбойнички валились снопами, на ходу теряя боевой пыл. И когда в их толпу врезались конные витязи посольской охраны, они с готовностью обратились в бегство.

Время восстановило свой нормальный ход, и Ратибор с удивлением обнаружил, что в туле нет ни одной стрелы. А было две дюжины ровно, между прочим. На лед из лесу выкатилось до сотни разбойничков, но обратно в чащу успели юркнуть хорошо, если с десятков. А времени и всего-то прошло – гашник на штанах толком не распустить...

– Как ты, госпожа моя? – Ратибор вдруг испугался, что примет она его за труса. Ну как же – все грудью в бой, а он с бабой в санях...

– Ты промазал ли в кого, Вышатич?

И сразу отлегло от сердца – так спросила...

– В одного промазал – сокрушенно повинился витязь – упал он неожиданно. Хреновый из меня философ.

– Ха! Мне бы так-то... – Онфим зашипел и вытащил из окольчуженного плеча неглубоко засевшую стрелу с узким жалом бронебойного наконечника – Глянь-ка, бронь пробили, язвита...

Витязи бродили среди валявшихся в беспорядке разбойничков, добивали раненых. Княгиня несмело улыбнулась, и Ратибору вдруг почудилось – среди серой декабрьской хмари проглянуло солнышко.

– Другого-то философа боле нету у меня, Вышатич.

* * *

– Леший бы забрал этих татей проклятых, душегубцев безглавых... Развел князь Георгий нечисть на своей земле, не следит ни хрена...

– И на рязанской земле тати имеются, боярин – подал голос Ратибор.

– Наши тати почуяли, чем пахнет, в леса попрятались. А до тутошних, видать, не дошло пока.

Боярин Вячко был зол. Еще бы – хотя убитых в отряде и не было, легко ранеными оказались почти половина. Сказался первый разбойничий залп, да и в рукопашной кого-то зацепили. Наскоро перевязав раны на морозе, отряд начал искать ночлег.

Они остановились в каком-то крохотном селении, в пять курных изб. И нашли-то ее только по запаху дыма. Хотя деревушка-весь разместилась буквально у самой Клязьмы, с реки ее было не видно – жители предусмотрительно не тронули лес у самой воды, и даже деревянных мостков было не видать.

Княгиню разместили в крохотной бане, даже без предбанника. Пожилая рябоватая хозяйка протопила баньку, после чего Ратибор отослал ее, тщательно проветрил баню, выпустил дым и skutал, чтобы прогрелось дерево.

Он внимательно осмотрел дверь, сбитую из толстых, в ладонь, плах на крепких железных петлях. Гляди-ка, не пожалел хозяин, потратился... Витязь поднатужился, крякнул и снял дверь с петель. Забросил под банный полук.

– Это-то зачем, Вышатич? – подала голос княгиня.

– Наружу дверь-то отворяется – проворчал Ратибор, вешая в дверном проеме меховую полость, взятую из саней – Припереть дрыном да поджечь – и вся недолга...

Он откинул полость, приглашая внутрь.

– Добро пожаловать, госпожа моя.

* * *

Свечи, как много свечей. Они стояли пучками, они стояли цепочками, и все это свечное великолепие окружили тесным кольцом самые здоровенные свечки, плотно, одна к одной. Разве можно ставить рядом столько свечей, подумал Ратибор, и тут крайняя из них вспыхнула. От нее тут же занялась вторая, третья, еще, еще... И вот уже все собрание пылает ослепительным огнем, истаивая от жара...

Витязь проснулся разом. Сердце снова колотилось, как тогда, но боли не было.

– Не спишь, Вышатич? – донесся до него тихий голос.

– Не сплю – помедлив, ответил Ратибор.

– И мне не спится.

И снова молчание. Витязь успокаивал сердце.

– Как мыслишь, Вышатич – вновь заговорила Лада – устоит Рязань?

Ратибор помедлил, раздумывая. Легче всего было ответить «знаю, устоит» Но Ратибор уже уяснил, что княгиня далеко не дура, чтобы утешиться бодряческим ответом.

– Ежели стены устоят, то и Рязань тоже... – осторожно ответил он.

– А ежели проломают стены?

– Не знаю. Очень уж их много.

И снова молчание, долгое, вязкое.

– А ежели бы всю рать, что князь Юрий собрал, на стены поставить? – вновь спросила Лада.

– Тогда да. Вот только окромя Рязани на земле Рязанской ничего не осталось бы. Все пожег бы Батыга.

– Лучше потерять часть, хотя бы и большую, нежели все без остатка. И так все теперь пожжет.

Ратибор поперхнулся, закашлялся. Надо же, баба и то поняла. А великий князь Рязанский не понял...

* * *

Ратибор проснулся от скрипа снега под ногами идущего человека. Рука сама цапнула черен меча, не дожидаясь команды от сонного мозга. Еще спустя мгновение витязь стоял возле занавешенного меховой полостью низенького дверного проема.

– Э-эй, не балуй – донесся до него голос боярина Вячко – Я это. Из лука свою спросонья не садани!

– Чем обязаны, Вячеслав Михалыч? – отозвался Ратибор, выходя наружу. Он нарочно назвал боярина по-княжески, Вячеславом вместо обычного Вячко. Лесть для любого боярина – первое дело, слаще меда.

– Можно ли гостя на морозе держать? – вопросом на вопрос ответил боярин, и покуда Ратибор думал, опередил его – Госпожа княгиня, дозвожь в терем твой...

– Да заходи уже, Вячеслав Михалыч, одетая я – подала голос княгиня, избавив Ратибора от необходимости решать вопрос.

Некоторое время витязь возился, высекая огонь и разжигая свечку в походном подсвечнике-фонаре, со стеклянными стенками. Боярин степенно разместился на лавке, княгиня усеялась на полке, внимательно глядя на собеседника. Ратибор разместился на низеньком пороге.

– Плохо дело – начал боярин – Из-за татей безмозглых мы сегодня день, почитай, потеряли – он усмехнулся в бороду – который под Коломной отыграли. И хуже того, раненых много у нас. Многие верхом ехать целый день не смогут. Я вот что думаю – завтра раненых всех

в сани, и пустить неторопью. С охраной малой, само собой. А сам с пятком резвецов верхом, о-двуконь во Владимир. Думаю к ночи добраться.

Он замолчал, давая собеседникам время подумать.

– Опасно задумал – подал голос витязь – С обозом сколь народу верхами остается?

– Полдюжины.

– Опасно, боярин – повторил Ратибор – Ежели вторая такая шайка татей...

– Опасно! – взорвался боярин – Кабы не опасно, пошел бы я вас тут будить посередь ночи! – Он помолчал, успокаиваясь – Ты мне вот что скажи... Как поедет госпожа княгиня, с обозом?

Ратибор поглядел на княгиню. Молодая женщина тоже задумалась.

– Запасные кони найдутся для нас двоих?

Боярин крякнул.

– Найдем. Так, выходит...

– Верхами поеду я – княгиня тряхнула головой.

– Так ведь с затемна до ночи без отдыха почитай поскачем – боярин смотрел пытливо – Не тяжело?

– А кому сейчас легко, Михалыч? – жестко усмехнулась княгиня – Сдюжу я.

– Ты что скажешь, оберег ходячий? – боярин перевел взгляд на витязя.

– С вами поедем – подал голос и Ратибор – Безопасней верхами.

Боярин вздохнул, явно сваливая груз с плеч.

– Ладно. Перед рассветом выходим, а до того завтрак. Не просыпайте уж.

Он вышел, откинув полог. У порога задержался, потрогал прислоненный к стене ратиборов лук, прямившийся сейчас со спущенной тетивой.

– Я все спросить порываюсь, Лада Олексовна. Это ты летось скакала в седле на руках-то?

– Было такое – почти без улыбки ответила княгиня.

– Гы-хм... – издал неопределенный звук боярин – Тогда доедем.

Витязь усмехнулся. Было такое, было. Ведь совсем молодая девчонка, ежели разобраться. Ну и тянет по молодости на озорство. Он сам был свидетелем, как княгиня проскакала по полю, стоя в седле на руках вниз головой, и юбка задралась, несмотря на зацепку. Князь здорово ругался тогда – несолидно...

* * *

Да, снега привалило заметно. Очень заметно. Копыта коней проваливались выше бабок, и звук гасился почти полностью. С одной стороны, это неплохо. С другой, кони заметно устали, а до града Владимира еще скакать и скакать...

Маленький отряд двигался плотной группой, стараясь держаться середины Клязьмы, уже заметно более широкой в этих местах. Закат пламенел за спиной темно-багровым, предвещая на завтра ненастье. Отставшему обозу придется туго. Не нарваться бы на разбойников поновой, на фоне заката восемь вершников были отличной мишенью...

Видимо, такие мысли одолевали не одного Ратибора. Сегодня всадники не перекликались на ходу, не гарцевали. Опытные витязи озирали берега, плотно заросшие исполинскими елями, напряженно и внимательно, стараясь не пропустить малейшее движение. Но все было недвижно в зимнем лесу, ни звука не доносилось из чащобы, и даже вездесущие дятлы перестали выбивать свои барабанные трели.

Постоянное напряжение служило, однако, и добрую службу, приглушая гнетущую тревогу, не покидавшую ратников. Как-то там Рязань, взяли ли ее в осаду, или хан Батыга, сочтя потери чрезмерными, отступил-таки в степь? Вряд ли, но кто знает... Степняки – народ непонятный...

Непролазная чащоба расступилась, открыв взору деревеньку. Еще чуть поодаль показалась другая. Девственная белизна свежевывавшего снега нарушилась следами недавно проехавших саней.

– Ну, кажись подъезжаем – проворчал боярин.

Всадники повеселели, кое-кто завел разговор. Чем ближе к городу, тем гуще лепились к воде деревни, белая гладь реки постепенно превращалась в торную дорогу, густо унавоженную и разъезженную местами до льда. А впереди на темном сумеречном фоне зимнего неба уже смутно проступали башни и колокольни Владимира.

* * *

– Посольство князя Юрия Рязанского к великому князю Георгию Всеволодовичу Владимирскому!

Ворота стольного града Владимира, конечно, не чета коломенским, подумал Ратибор, проезжая через зев воротной башни. Недаром их «Золотыми» кличут. Вот только выдержат ли они удары тарана? На такой случай чем уже и ниже ворота, тем лучше, пожалуй...

Город уже отходил ко сну, хотя огонь в домах кое-где еще теплился. К маленькому отряду добавились провожатые, так что кортеж получался довольно внушительный (боярин Вячко все переживал по поводу недостаточной численности посольства – несолидно). Что касается Ратибора, ему было все равно – был бы толк. И вообще, сейчас не о чести боярской печься надо, а о том, как помочь Рязани. Там сейчас каждый умелый меч на счету.

Витязь покосился на княгиню. Молодая женщина держалась в седле неплохо. Весьма неплохо, если учесть, что они проскакали нынче белее сотни верст, чуть не на ходу меняя коней.

– Устала, госпожа моя? – Ратибор попытался улыбнуться ей, и удивился – губы стянуло, словно столярным клеем смазаны. Не вышла улыбка.

– Есть такое, Вышатич – тоже без улыбки ответила она.

У ворот княжких хором их встретил молодой князь Всеволод, старший сын Георгия Всеволодовича, с боярами. Ничего не скажешь, вроде как с почетом встречают. Вот только не почет нынче нужен послам рязанским...

– Привет тебе, славный боярин рязанский, и вам, господа рязанцы. Батюшка сам не может сейчас принять вас, вы уж не сердчайте, меня вот послал. Располагайтесь, отдохните с дороги, а завтра...

– И мы прощенья просим, молодой князь – боярин Вячко поклонился ровно настолько, насколько это полагал этикет – Только не до отдыха нам сейчас. Каждый час нынче дороже золота. А потому прошу тебя, проводи к отцу.

* * *

– ... И как это ты, милая, собралась в такую даль, да без свиты... Девку какую с собой взяла бы... Я бы ни за что не решилась...

– Торопились мы очень. Татары могли путь заступить. Пришлось верхами в ночи скакать, с полуста витязями. Нету у меня таких-то девок, матушка...

– Ой, горюшко...

В светелке было немало народу – великая княгиня Агафья Всеволодовна с невестками, внучка ее, да молодая совсем девчонка по прозвищу Прокуда – какая-то родственница Агафьи, да какие-то приближенные девки. Спрашивала сейчас молодая княгиня, жена младшего сына князя Георгия. Княгиня Лада сидела в углу, держалась скромно, но с достоинством.

– Ой, а правду говорят, будто у этих самых татар бороды нету, а ноги-руки шерстью заросли, ровно у баранов?

– Не знаю, я их не видала вблизи-то. Вот мой оберегун, Ратибор Вышатич, тот видал. Он еще на Калке с ними свиделся.

– А где он, кстати? – спросила княгиня Агафья – Чтой-то не видно его. Непонятно даже, как возможно сие!

Женщины звонко расхохотались. Ратибор, слышавший всю беседу до последнего слова, тоже усмехнулся. Годы службы вятским витязем у князя Ижеславского не пропали зря, и ему вовсе не обязательно было толкаться у всех на виду, чтобы держать ситуацию под контролем. Дверные проемы да темные углы на что?

И еще где-то в самой глубине возникло сложное, горько-завистливое чувство – как смеются легко, не учены еще татарами...

– Слышь, Ратибор Вышатич – вновь подала голос княгиня Агафья – Выдь, покажись!

Женщины снова засмеялись было, но разом оборвали смех – витязь возник, будто из ниоткуда.

– Звала, матушка?

– Фу ты, леший, аж напугал! – княгиня Агафья даже перекрестилась – Как-то у тебя выходит сие...

Витязь сдержал ухмылку. Не так уж и сложно это – на мгновение отвести всем глаза и в три размашистых бесшумных шага преодолеть расстояние от полутемной двери до ярко освещенной середины светелки.

– Рассказал бы ты нам про татар, кто они такие? Что за люди, что все их боятся? Вот тут намедни чернец Акинфий сказывал, будто сие есть народы библейские Гога и Магога, что из преисподней вышли, дабы весь свет сгубить.

Витязь задумался. Про себя он питал некоторую робость перед книжным учением. Кто его знает, а может, и правда гога-магога? Раз пишут люди ученые...

– Как сказать тебе, матушка... Степняки и степняки. Только росту все невеликого, и чернявые, не то, что половцы белобрысы. Ноги кривые, оттого, что с коня не слезят даже по нужде малой, да и по большой не всегда – так все с коня и делают (женщины прыснули сдавленным смехом). И не моются никогда, как говорят, оттого дух от них тяжелый – витязь чуть улыбнулся – особенно ежели шестопером или булавой ошарашить – хоть нос зажимай (женщины снова прыснули).

– А чего ж все так боятся их? Чего боярин ваш прибежал у князя нашего подмоги просить?

И тут Ратибор разозлился по-настоящему, даже скулы свело. Ну-ка, потише, прикрикнул он на себя мысленно.

– А оттого, матушка, что много их. И вместе они, а мы поврозь. И ежели не поможет князь Владимирский нам, то вскорости ты сама их узрешь во плоти. Вот здесь, в стольном граде нашем Владимире.

– Ну, то дела великого князя – поджала губы княгиня Агафья, явно задетая дерзкой речью какого-то охранника – и не тебе в него соваться.

– Позволь, матушка – вдруг заговорила княгиня Лада чуть дрожащим голосом – он правду ведь говорит. Должно, Рязань сейчас уж в осаде. Ежели бы князь Георгий Всеволодович ударил сейчас со спины на поганных – лучше ведь и не придумать!

И снова Ратибор изумился. Ну надо же, баба, почитай девчонка, а рассуждает, как воевода опытный. Ежу понятно, нанести внезапный удар с тыла по войску, изготовившемуся к осаде, да одновременно сделать общую вылазку из города – лучше и не придумать...

– Не наше это дело, не бабье – уже с нажимом произнесла княгиня Агафья.

– Прости меня, матушка, но нынче уже и наше! – голос Лады зазвенел – Вот мы тут сидим в тепле, а рязанцы сейчас на стенах града кровью обливаются! Кто не понимает, что врага лучше бить на чужой земле, нежели на своей...

– Ну вот что! – возвысила голос княгиня Агафья – Устала ты, милая, с дороги. Поди отдыхай.

* * *

– Не спишь, Вышатич?

Ратибор ответил не сразу.

– Не сплю.

– И мне не спится.

Снова помолчали. Княжьи хоромы постепенно затихали, отходя ко сну. Где-то за печкой нудно пилил сверчок, заглушая прочие неясные звуки. Витязь поморщился – бесы бы взяли сверчка этого, хуже нет для охранника... И не услышишь врага, как подберется...

– Твои-то где сейчас, Вышатич?

– В Рязани. Князь обещал взять в Рязань за собой.

Снова помолчали.

– И мои все тамо. Отец вот на днях малым воеводой у князя Юрия Рязанского поставлен. И брат в верхоконных...

Снова повисло долгое молчание. Ратибор хорошо понимал, что молодой женщине сейчас просто нужно о чем-либо говорить.

– У моей сестры старшой малец такой смешной... – снова заговорила она – Нипочем не желает штаны летом носить. Я ему – Семко, ты пошто без штанов бегаешь? Гляди, собаки срам откусят! А он мне – а ежели я штаны порву ненароком, так мамка точно мне срам оторвет. А от собак я палкой...

Витязь засмеялся.

– Я такой же смолоду был, госпожа моя. Токмо меня и за рубахи загубленные пороли, так я что удумал – с утра уйду в луга альбо в лес, сниму там одежонку, да захороню где-нито. А как набегаюсь-наиграюсь всласть, так одену и назад иду уж жених женихом...

Теперь засмеялась княгиня.

– И доколе ты так бегал-то?

– Да годов до восьми. И еще побегал бы, да одна осечка вышла...

Витязь замолчал.

– Какая осечка? – не выдержала женщина.

– А поперли как-то одежду мою – Ратибор ухмыльнулся – И пришлось мне голышом в город пробираться. Так я что еще удумал – со стадом овец прошмыгнуть решил, да овцы испугались и выдали меня страже воротной... Так в караулке голышом и сидел, покуда отец за мной не пришел, с одеждой...

– Что сказал отец-то?

– Да так вроде ничего... Выпорол молча.

Они еще посмеялись, и витязь вдруг почувствовал, будто на мгновение разжались невидимые чудовищные клещи, державшие за горло все последние дни...

* * *

– ...Нельзя медлить, княже! Никак нельзя! Должно, Батый уж под стенами рязанскими стоит, осаду ведет. И с каждым днем...

Рязанский боярин Вячко тяжело дышал, отдувался. Богатая шуба, положенная послу великого князя к великому князю, тяготила его в жарко натопленной комнате.

– Ты лучше скажи, сколь на стенах Рязани ратных людей осталось, Вячко Михайлович? – подал голос один из думных бояр.

– Не знаю – помедлив, ответил Вячко – Думаю, тысяч пять али шесть.

Среди бояр произошло общее движение, и князь Георгий Владимирский скептически усмехнулся.

– Как нам известно от «языков» татарских, у хана Батыги триста тысяч войска. И ты советуешь нам бросить сейчас ростово-суздальскую рать на такую орду? На верную погибель, как князь Юрий Рязанский?

– Врут! – рязанский боярин стукнул кулаком по столу – Нету такой силы у Батыги! У князя моего верные сведения добыты. Сто сорок тысяч воев у него, а остальные кашевары, пастухи бараньи да стервятники, что полон скупают да добро награбленное. И к тому ж, я думаю, потрепали их князь Юрий со товарищи...

– Ну, не знаю, сильно ли потрепали... А у меня здесь сейчас не столько войска, все за данью ушли, в зажитье... Вот соберу назад...

– Токмо сейчас, и не медля! Вот сколько есть, столь и послать войска! К тому ж на днях подмога с Чернигова должна подойти, за коей воевода Евпатий Коловрат послан. Вот враз со всех сторон и ударить по вражьему стану! А покуда будешь ты собирать всех до последнего ратника, татары Рязань возьмут, и встанут под стены Владимира. Как отбивать будешь?

– Ты меня не учи! – возвысил голос и князь Георгий – С божьей помощью отобьем как-нибудь! Вот под этими стенами и побьем всех поганых, коли так встанет. Только рать тут нужна немалая, и не спорь! Я за своих людей ответчик перед Господом, и класть их зазря не собираюсь. Не князь Юрий Рязанский! Все, свободен!

* * *

– ...Господи, просвети и наставь раба твоего, как и какими словами достучаться мне до башки деревянной князя Георгия Владимирского... Ослеплен он гордыней дьявольской, один за всю Русь себя ставит... А время уходит, истекает кровью земля рязанская... И людей своих всех погубит, и землю русскую всю погубит... Просвети, Господи, и наставь!..

Боярин Вячко молился истово, крестясь и стучая в пол заросшей кудлатым седым волосом башкой, то и дело мимоходом поддерживая сползающие исподние штаны.

В дверь тихо постучали, но боярин продолжал молиться, не обращая внимания. Вошел рязанский витязь, из тех, что сопровождал боярина в верховой скачке до Владимира. Видя, чем занят боярин, тихонько присел на лавку в тени.

– Чего тебе, Олекса? – наконец соизволил заметить его боярин, закончив молиться.

– Там наши раненые прибыли, Вячеслав Михалыч – подал голос Олекса.

– Все живы?

– Вроде все.

– Тяжелых нету?

– Нету. Обошлось, и раны не нагноились ни у кого.

– И то ладно... – боярин вздохнул тяжело – Сегодня уж девятнадцатое?

– На двадцатое переваливает.

– Господи... Время идет, а толку нету! Уж лучше бы мне на стенах рязанских стоять!

* * *

– ...Нет, не могу я сидеть с ними, Вышатич – княгиня Ижеславская нервно мяла руки, стоя перед окном – Сидят, вышивают... Кому вышивают-то? Хану Батыге ведь все достанется!

Она замолчала, неотрывно глядя в застекленное окошко, за которым стыла непроглядная зимняя тьма. Хорошие у князя Владимирского окошки, богатые – все стекло, слюды и нету нигде...

– Женская доля шить да стирать, мужняя – в поле за своих умирать... – отозвался Ратибор, помолчав.

– И ты! – молодая женщина отвернулась от окна – И ты тож туда! Ровно мы овцы в загоне! Нет, Вышатич, не таковы бабы русские, не знаешь ты нашего нутра...

– Как не знаю – вздохнул витязь – Женатый был. Русская баба тихая да смирная до поры... А как ноздрей дергать начнет – лучше отойти от греха... Порвет...

В горницу, тяжело ступая, вошел боярин Вячко. Сел на лавку, повесив голову.

– Вести какие, боярин? – не выдержав, спросила княгиня Лада.

– Вести? Нет вестей... – боярин потер грудь – Саднит у меня тут... Не сделал... Не внемлет князь Георгий никаким словам, хоть в ногах валяйся. Зря ехал... И людей взял, когда сейчас каждый меч на счету...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.